

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI:10.24290/1029-3736-2017-23-4-169-182

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 2016 г.

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Статья посвящена анализу социальных размежеваний в американском электоральном пространстве и их влиянию на выборы президента в 2016 г. Впервые появившись в трудах С. Роккана и С.М. Липсета, социальные размежевания являются классической темой для современной политической социологии. Несмотря на то, что развивалась данная теория преимущественно американскими политическими социологами, она крайне редко используется для анализа электорального пространства в самих США, а традиционно направлена на изучение европейских и развивающихся стран, где более отчетливо можно наблюдать дробление общества на электоральные группы. Однако последние изменения в американском обществе и политической системе позволяют говорить о развитии ранее не свойственных для Соединенных Штатов социальных размежеваний. В статье показано, каким образом происходила постепенная трансформация американского электорального пространства, начиная с 1980-х гг., и как, под воздействием ряда социальных, экономических, идеологических факторов оно стало более раздробленным. Выборы 2016 г. стали своеобразной кульминацией тех расколов, которые накапливались в США в течении предыдущих десятилетий и которые еще более усугубились на фоне внутрипартийных кризисов в демократической и особенно республиканской партиях. Победа Дональда Трампа стала олицетворением кризиса американской партийной системы и неспособности ведущих политиков понять суть изменившегося электорального пространства. Автор демонстрирует, что американское общество сегодня является идеологически более поляризованным даже в сравнении со многими европейскими странами, а групповая идентификация стала определять векторы политических изменений.

Ключевые слова: социальные расколы; электоральное пространство; политическая система в США; групповая идентичность; политика идентичности; идеология.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

SOCIAL CLEAVAGES IN THE AMERICAN SOCIETY AS A FACTOR OF 2016 PRESIDENTIAL CAMPAIGN

Kanevskiy Pavel S., PhD in political science, associate professor of the political science and sociology of political processes department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Current article is dedicated to analysis of social cleavages in the American elections and the ways they influenced on presidential election in 2016. Originally developed by S. Rokkan and S.M. Lipset, social cleavages became a classic theme for contemporary political sociology. However, despite the fact that the theory has been developing primarily by Americans, it has been rarely used to analyze electoral system in the USA. Traditionally it's been aimed at European and developing countries where electoral fragmentation is seen more clearly. But recent changes in the American society and the political system demonstrate the emergence of social cleavages that had not been inherent before. The article shows how American electoral space transformed since the 1980s and how it became more fragmented under the influence of social, economic and ideological factors. Elections in 2016 became a watershed for social cleavages that accumulated through time and aggravated even more considering internal crises in the Democratic and more so in the Republican parties. Donald Trump's victory is an impersonation of the American party system crisis and of the mainstream politicians' inability to find proper explanation of the changing electorate. Author shows that American society today is polarized even more than many European countries while group identification determines vectors of political change.

Key words: social cleavages; electoral space; American political system; group identity; identity politics; ideology.

Теория социальных размежеваний (“*social cleavages*”) берет свое начало в Колумбийской социологической школе и трудах Пола Лазарсфельда. Основной тезис заключается в том, что среднестатистический избиратель отдает свой голос на выборах исходя не из собственных предпочтений, а из-за солидарности с определенной социальной группой. Иными словами, “люди голосуют не просто вместе со своей социальной группой, но и за нее”¹. В более развернутом виде теория размежеваний была сформулирована в работах американских политологов Стэнли Роккана и Мартина Сеймура Липсета, которые с ее помощью создали инструмент, объясняющий как исторические трансформации в Западной Европе связаны с индивидуальным поведением избирателей². С момента своего появления в 1967 г., теория Роккана-Липсета долгое время был определяющей для понимания того, как функционируют европей-

¹ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., 1969. P. 148.

² См.: Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments. N.Y.; L., 1967.

ские партийные системы и в чем заключается успех их послевоенной стабильности. Социальный раскол в данном случае понимается как специфический тип конфликта в демократическом обществе, который укоренен в социальных структурных преобразованиях, вызванных такими масштабными процессами, как образование наций, индустриализация и пост-индустриализация³.

Одним из главных преимуществ данной теории является возможность связать макро-социальные изменения с различными траекториями индивидуального политического поведения, которые и формируют в итоге электоральное пространство. Социальные размежевания также помогают понять, почему возникают паттерны, которые способны определять политический процесс и динамику партийных систем в течении десятилетий. С. Роккан ввел для этого специальный термин – замороженные партийные системы, т.е. системы способные практически не менять своей структуры благодаря устойчивой электоральной приверженности конкретных социальных групп. Следовательно, серьезные изменения в электоральных предпочтениях возможно лишь тогда, когда происходят какие-либо значимые сдвиги в социально-экономических и ценностных структурах общества.

Особенностью теории социальных размежеваний является то, что она с самого начала была направлена на анализ потенциально более конфликтных и классово гетерогенных европейских обществ. Выделенные С. Рокканом и С.М. Липсетом главные линии размежевания (центр – периферия, государство – церковь, сельское хозяйство – индустрия, бизнес – рабочий класс) обозначали конкретные социальные группы (классы), в которых процесс самоидентификации происходит через коллективное осознание себя как участника конфликта и противопоставление с противоположной стороной. Этим инструментом можно объяснять природу противостояния столичных и региональных (зачастую сепаратистских) партий Испании, Бельгии и Великобритании, христианских демократов и социал-демократов в Италии, Германии и странах Скандинавии, даже современных популистов⁴.

³ См.: *Bornschieer S.* Cleavage politics in old and new democracies // Living Reviews in Democracy. 2009. Vol. 1.

⁴ См., например: *Caramani D.* The nationalization of politics. The formation of national electorates and party systems in Western Europe. Cambridge, 2004; *Klingemann H.-D., Volkens A., Bara J., Budge I., McDonald M.D.* Mapping policy preferences II. Estimates for parties, electors and governments in Eastern Europe, European Union, and OECD in 1990–2003. Oxford, 2006; *Oesch D.* Explaining workers' support for right-wing populist parties in Western Europe: evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // International Political Science Review. 2008. N 29 (3); *Rose R., McAllister I.* Voters begin to choose: from closed class to open elections in Britain. L., 1986.

Тем не менее, в течении долгого времени считалось, что данная теория мало применима для анализа электорального пространства в самих Соединенных Штатах. Действительно, в США, в отличие от стран Европы, политическая система с самого начала была построена таким образом, что исключала чрезмерную поляризацию⁵. Таким образом, партийная система исторически эволюционировала вокруг единого ценностного ядра, не позволяя классовым, религиозным или региональным вопросам вносить раскол в политическую структуру. Это не означает, например, что в США нет избирателей, которых можно было бы отнести к рабочему классу, однако в системе социальных размежеваний они не идентифицируют себя как рабочий класс, который борется за свои права и противопоставляет себя буржуазии⁶. Именно поэтому рабочий класс никогда не был классом в политическом смысле (за исключением разве что 1930–1940 гг.), электоральные предпочтения рабочих определялись иными вопросами – религия, налогообложение, образование, медицина; другими словами, во многом тем же самым усредненным набором, что интересует всех американцев. В этом и заключался парадокс американской двухпартийной системы, которая всегда была конкурентной, однако удерживала центристское ядро, построенное на сплаве ценностей либеральной демократии, что, с свою очередь, было гарантией отсутствия серьезных социальных размежеваний.

Однако в последние три десятилетия в США наблюдается заметное усиление социальной самоидентификации и поляризации электорального пространства. Согласно теории социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тернера, в условиях групповой конкуренции, принадлежность к конкретной группе приводит к феномену группового фаворитизма, т.е. не критичной оценке собственной группы, одновременно порождая враждебность по отношению к конкурирующим группам⁷. Партийные предубеждения стали нормой американской политики, демократы и республиканцы сегодня принципиально расходятся по целому ряду ключевых вопросов, что отчетливо видно на примере Конгресса. Начиная с 1980-х гг., в Конгрессе наблюдается отчетливая тенденция к тому, что обе фракции все реже соглашаются друг с другом по вопросам принятия ключевых решений. Если в 1950–1970-х гг. в Конгрессе превалировала консенсусная модель принятия решений, то в 1980–1990-е гг.,

⁵ См.: *Muste C.P.* Reframing polarization: social groups and “culture wars” // *PS: Political Science & Politics*. 2014. N 47 (02).

⁶ См.: *Andersen R., Heath A.* Social identities and political cleavages: the role of political context // *University of Oxford Sociology Working Papers*. 2002. N 06. P. 7.

⁷ См.: *Tajfel H., Turner J.* An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations*. 1979. N 33 (47).

а тем более в 2000–2010-е гг., на ее место приходит модель рассогласованности. Если раньше демократы и республиканцы в большинстве случаев поддерживали один закон, сегодня такая вероятность не просто низка, но стремится к нулю. Причину этого нужно искать не в Конгрессе, а во всей системе представительства интересов, которая кардинально изменилась под воздействием социальных идентичностей и последовавших расколов.

Приблизительно с середины XX в. до 1980-х гг. республиканцы и демократы сумели создать своего рода замороженную партийную систему, однако, в отличие от европейских обществ, в основании ее лежала не столько идеологическая борьба, сколько сложный механизм согласования интересов различных групп. Социальная поляризация присутствовала, однако она не была очевидной, потому что избиратели в целом не считали себя частью лишь одной группы, они идентифицировали себя сразу с несколькими группами. Условно, американский гражданин мог одновременно чувствовать принадлежность к определенному классу, расе, религии и т.п. Однако политические партии не стремились подчеркивать эти расколы, они не делали это частью своей повестки, следовательно, поляризация, даже если она формально существовала, не переносилась в пространство публичной политики.

Поляризация началась тогда, когда демократы и республиканцы начали более четко соотносить партийные программы с конкретными идеологическими наборами. Лилиана Мэйсон считает, что, начиная с 1970-х гг., демократы стали более явно тяготеть к либеральной идеологии, а республиканцы – к консервативной. Совпадение партийной и идеологической идентификации привело к тому, что избиратели стали четче ассоциировать себя с идеологиями, а через них – с партиями⁸. Так началось формирование новых социальных расколов, включая возникновение республиканского Юга, среднего класса крупных городов, голосующих за демократов, представителей конкретного меньшинства и даже профессий, которые все отчетливее выражали свою преданность определенной партии даже если это не всегда соответствовало их рациональным интересам. Американские политологи называют этот эффект дроблением (*sorting*), который достаточно близко стоит к понятию социального размежевания. В результате идеологические границы между партиями и внутри партий перестали быть условными и привели к очевидному размежеванию как различных электоральных групп, так и партийных фракций.

⁸ *Mason L.* “I disrespectfully agree”: the differential effects of partisan sorting on social and issue polarization // *American Journal of Political Science*. 2015. N 59 (1).

Этот процесс стал еще более очевидным, когда произошло усиление наиболее консервативных групп внутри Республиканской партии и наиболее либеральных в Демократической, что нарушило между ними исторический консенсус. Последняя попытка сохранить данный консенсус была сделана Рональдом Рейганом — весьма консервативным президентом, который сумел объединить общественное большинство вокруг идей низких налогов, снижения роли федеральной власти, поддержки внутреннего экономического потенциала и сильной армии (и, как следствие, серьезных военных расходов), но при этом он не позволил укрепиться наиболее консервативным республиканцам, для которых рейгановский либерализм был не до конца понятен. Президентство Р. Рейгана было примечательно еще и тем, что оно поставило в идеологический тупик демократов, у которых не было столь же успешного набора для большинства американцев, так как в тот момент Демократическая партия находилась под влиянием так называемого прогрессивного крыла — детища 1970-х гг. — отстаивающего права меньшинств, борьбу за равенство, критику крупного бизнеса и военных операций за рубежом. Во время Р. Рейгана эти идеи оказались невосстребованными большинством, потому что американская экономика находилась в турбулентном состоянии, преступность достигла огромных масштабов, системы здравоохранения и образования нуждались в коренных изменениях.

Относительный неолиберальный консенсус был еще больше укреплен Биллом Клинтон, который стал первым президентом так называемых новых демократов — демократической фракции, которая опиралась на городское население, белых либералов и меньшинства⁹. При этом президентство Б. Клинтона во многом стало продолжением экономической и социальной политики Р. Рейгана. Демократы эпохи Б. Клинтона по сути принадлежали к традиционным демократам, которые во второй половине XX в. строили свои программы вокруг рациональных экономических и социальных вопросов, но при этом смогли успешно инкорпорировать в свою программу одновременно рейгановский дух экономического роста и масштабных национальных программах, что определило значительные успехи Соединенных Штатов 1990-х — начала 2000-х гг. В конце президентства Б. Клинтона образовались отчетливые электоральные ядра демократов: высший и высший средний класс городов восточного побережья, Новой Англии и среднего Запада, прогрессивные социальные слои в Калифорнии, связанные преиму-

⁹ См.: *Lind M.* Obama: last of the “new democrats”? // Salon. 30.10.2012. URL: http://www.salon.com/2012/10/30/obama_last_of_the_new_democrats/

шественно с высокотехнологичным сектором и индустрией развлечений, представители финансовых групп, этнические меньшинства, мигранты, либеральные женщины и молодежь.

Устойчивость этой электоральной пирамиды обеспечивалась тем, что демократы смогли привлечь на свою сторону сегмент простых наемных работников – среднего среднего и среднего низшего классов из провинции. С одной стороны, они не столь быстро интегрировались в глобализирующуюся экономику, потому что им не хватало для этого образования и социального капитала, они не были сторонниками социально-либеральных ценностей и оказывались все в большей зависимости от государственных программ субсидий и социальной поддержки. Однако многие из них отдавали свои голоса за демократов, потому что они пользовались благами глобальной экономики и устойчивого экономического роста США. Этот рост, в частности, привел к укреплению банковского сектора, который смог массово кредитовать население и, таким образом, обеспечивать благополучие значительного числа домохозяйств.

Именно поэтому попытки консервативных республиканцев, таких как Ньют Гингрич или Пол Райан, привлечь на свою сторону белую работающую Америку не увенчались успехом в 1990–2000-е гг., потому что демократы, а за ними умеренные республиканцы во главе Джорджем Бушем-младшим предложили модель универсального и постоянно увеличивающегося в размерах общества потребления с растущими доходами и огромным спектром возможностей.

Процесс самоидентификации неглобализированной белой Америки начал происходить позже, когда незыблемый, как казалось, либеральный консенсус эпохи Р. Рейгана, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего стал давать многочисленные сбои. Первичным детонатором этого сбоя послужил финансовый кризис 2008 г., который обернулся для США самой продолжительной рецессией для нынешнего поколения американцев работоспособного возраста. И хотя политика Барака Обамы, направленная на защиту одновременно наиболее пострадавшей части корпоративного сектора и наименее обеспеченной части населения, а также ряд системных мер по оздоровлению экономики, принесла позитивные результаты, ряд глубинных негативных тенденций до сих пор не преодолен.

В частности, хотя официальный уровень безработицы находится в пределах 5%, данный показатель не учитывает значительного числа граждан, которые прекратили поиск работы. Поэтому многие американские экономисты используют индекс участия граждан в рабочей силе, который показывает количество работающих людей, либо активно занимающихся поиском работы. Индекс достиг пика в 2000 г. (67,3%), однако затем постепенно снижался, ускорив

падение после кризиса и рецессии; сегодня уровень участия в рабочей силе составляет 62,8% — самый низкий показатель за последние 40 лет¹⁰. Данной тенденции способствовала не только экономическая турбулентность, но и структура самой глобализированной экономики: вынос производства, роботизация, оптимизация персонала и, как следствие, его сокращение, привели к тому, что многие американцы с недостаточным уровнем квалификации осознали бесперспективность попыток получить работу. Эти люди, фактически исключенные из столь быстро изменившейся экономики, составили основу нового депрессивного класса, который рано или поздно должен сыграть свою роль в электоральном пространстве.

Первой политической силой, которая всколыхнула данный электорат, стало Движение чаепития. Представители данной крайне консервативной фракции начали открыто выступать против демократического и, что еще важнее, против собственного республиканского истеблишмента, заявляя о глубоком кризисе американской политической и экономической системы. Если еще 10 лет назад подобные настроения стали бы едва заметными, в посткризисной Америке они нашли широкую поддержку в обществе. Движение чаепития не только внесло решающий раскол в ряды Республиканской партии, составив мощную оппозицию основному умеренно-либеральному блоку, но и начало процесс консолидации новой электоральной общности — преимущественно белых американцев средних лет, недовольных состоянием американской экономики, критикующих чрезмерную социальную нагрузку на государство, резко противопоставляющих себя социально-экономическому либерализму и прогрессизму Б. Обамы. Парадокс заключается в том, что Движение чаепития, само того не планируя, во многом проложило дорогу Д. Трампу.

Агрессивная риторика кампании Д. Трампа очень точно выловила запрос этой общности, представители которой хотели четких решений своих проблем и Д. Трамп предложил им свое видение, не основанное на какой-то конкретной программе, но четко уловившее общее настроение разочарованности. Летом 2015 г., когда в выдвижение Д. Трампа еще никто не верил, серия фокус групп показала, что Д. Трамп, в отличие от остальных республиканских кандидатов, вызывает у людей невероятно доверительные чувства. По словам одного из журналистов, присутствовавшего на ранней фокус группе, “было ощущение, что слушаешь больных, которые

¹⁰ Источник данных: *Davidson A. Trump and the truth: the unemployment-rate hoax // The New Yorker*. 10.09.2016. URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/trump-and-the-truth-the-unemployment-rate-hoax>

были недовольны всеми предыдущими врачами, а в Д. Трампе увидели решение всех проблем”¹¹.

Однако успех Д. Трампа объясняется не только мобилизацией новых электоральных групп и разобщенностью в Республиканской партии. Не последнюю роль сыграли неадекватность и провалы предвыборной кампании демократов, усугубившие социальные размежевания в американском обществе. В своей напугавшей уже статье в “The New York Times” “Конец либеральной идентичности” Марк Лилла сказал то, о чем уже много раз говорили эксперты — опасно ставить во главу угла либеральные ценности как таковые, не уделяя достаточно внимания рациональным вопросам экономики и увеличения количества рабочих мест¹². Эту идеологическую ловушку с успехом преодолевали как Билл Клинтон в 1990-е гг., не допустивший чрезмерного влияния крайних либералов на идеологическую платформу партии, так и Барак Обама. И хотя кампания Б. Обамы 2012 г. больше, чем какая-либо из предыдущих кампаний демократов, была построена вокруг либеральной идентификации, основу его предвыборной программы все же составляли вопросы восстановления американской индустрии и экономики и конкретные предложения по выходу из рецессии. Поэтому Б. Обама смог перетянуть на свою сторону голоса многих белых американцев, пострадавших от кризиса и деиндустриализации, которые обеспечили ему победу в промышленных штатах Среднего Запада. Через четыре года эти ключевые с точки зрения голосов выборщиков штаты перешли на сторону Д. Трампа.

Образ Соединенных Штатов в кампании Хиллари Клинтон представлялся в виде процветающей, космополитичной страны равных возможностей, которая ценит свое этническое, культурное, гендерное, сексуальное разнообразие, в которой молодому образованному поколению доступны многочисленные социальные лифты, а глобализация распахивает двери в открытый мир без границ. Однако это было скорее перечисление набора социальных достижений США, которых действительно удалось добиться за последние 40 лет, чем конкретная программа, ориентированная на усредненного американского гражданина. Планка усредненности в кампании Х. Клинтон была поднята слишком высоко, автоматически исключив значительные электоральные группы, в первую очередь, белый рабочий класс и людей консервативных религиозных взглядов. В итоге две

¹¹ *Frizzell S.* Pollster’s legs wobble after fawning Donald Trump focus group // The Time. 25.08.2015. URL: <http://time.com/4009413/donald-trump-focus-group-frank-luntz/>

¹² См.: *Lilla M.* The end of identity liberalism // The New York Times. 18.11.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html?_r=0

трети голосов белых избирателей, не получивших образование в колледже, а также 80% голосов белых евангелистов ушли к Д. Трампу. Иными словами, Х. Клинтон крайне неудачно сыграла на серьезном ценностно-электоральном разломе, который в итоге еще больше его усугубил. По словам М. Лиллы, в ценностном либерализме как таковом нет ничего плохого, так как он позволил преодолеть ряд общественных стереотипов, однако он породил поколение либералов, которые имеют условное представление о другой Америке и крайне идеологизированно смотрят на категории класса, войны, экономики и общего блага. Это то самое поколение индивидуалистичных избирателей, чье политическое сознание строится на пост-материальных ценностях. Рональд Инглхарт еще в 1990-е гг. выдвинул гипотезу, что пост-материальные ценности вскоре вытеснят традиционную групповую идентификацию¹³. Тем не менее, последняя динамика развития партийных систем Запада говорит о том, что идеологическая поляризация никуда не исчезает, напротив, она становится еще более острой. В ответ на либеральный консенсус появляются так называемые анти-системные или популистские силы, вся программа которых строится вокруг критики политического центризма, основанного на либеральной идеологии. Если до Брексита и победы Д. Трампа наблюдатели считали, что подобная риторика не способна принести успех, то сейчас со всей очевидностью стало ясно, что она точно попала в новые социальные расколы.

Эти расколы хорошо видны в целых общественных сферах, например, в системе высшего образования. Несколько исследований показали, что в американских вузах сторонники республиканцев составляют лишь от 6 до 11% в гуманитарных науках и от 7 до 9% в социальных. В таких предметах как социология, история, антропология, литература, английский язык практически не встречается людей, которые идентифицируют себя с республиканскими ценностями. В то же время 18% преподавателей социальных наук считают себя марксистами, в то время как абсолютное большинство относится к либеральной части идеологического спектра. Иными словами, студенту, попавшему в американский университет, проще будет попасть под влияние левых, чем консервативных идей и ценностей¹⁴. Подобные идеологические рамки распространяются

¹³ См.: *Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Princeton, 1990; Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, 1997.*

¹⁴ Источник данных: *Kristof N. A confession of liberal intolerance // The New York Times. 07.05.2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/05/08/opinion/sunday/a-confession-of-liberal-intolerance.html>*

далеко за пределы университетских кампусов, они отражаются и на взаимоотношениях на рынке труда, воспроизводятся в СМИ, социальных сетях и голливудских фильмах.

Контр-реакция на распространение либеральных ценностей в обществе долгое время оставалась незамеченной и практической табуированной темой для широкого обсуждения, однако кампания Д. Трампа сняла все запреты. И все же будет упрощением сказать, что Д. Трамп апеллировал исключительно к той части населения, которая чувствовала себя исключенной из либерального сообщества. Либеральная идентичность является лишь частью проблемы, в конце концов, было бы ошибочно считать, что основу электората Д. Трампа составили ультраконсервативные граждане. Это люди, которые часто вообще не мыслят идеологическими категориями, однако они уверены, что раньше Америка была лучшим местом и хотят вернуть ту страну, которую помнят. Это уже говорит о том, что основу электората Трампа составила не молодежь; напротив, опросы показывали, что если бы на выборах голосовали только граждане 18–25 лет, Х. Клинтон могла бы победить с фантастическим перевесом 504 выборщика против 23 у Д. Трампа¹⁵. В этом заключается еще один большой провал кампании демократов — ее низкий мобилизационный потенциал и неспособность привести молодежь на избирательные участки. Возможно, симпатизирующие демократам граждане были слишком уверены в ее победе, так как за все время предвыборных опросов Д. Трамп ни разу не выглядел фаворитом (формально опросы были верными, так как в итоге Х. Клинтон набрала на 3 миллиона больше голосов, но проиграла в нескольких ключевых для демократов штатах). С другой стороны, несмотря на поддержку делегатов во время праймериз, фокус группы и опросы показывали, что граждане чаще отдавали предпочтение Берни Сандерсу, чья антиглобалистская, протекционистская риторика была гораздо ближе к Д. Трампу, чем к Х. Клинтон¹⁶.

В отличие от Б. Сандерса, Д. Трамп быстрее развернул свою кампанию на целевые группы белых американцев средних лет, которые опасались не столько либеральных ценностей как таковых, сколько того, что они более не чувствовали себя в безопасности. Поэтому Д. Трамп успешно совместил агрессивную риторику по отношению к крупному бизнесу, глобализации и истеблишменту

¹⁵ См.: *Katz C.* Here's what the electoral college map would look like if only millennials voted // *Mic.* 25.10.16. URL: <https://mic.com/articles/157558/here-s-what-the-electoral-college-map-would-look-like-if-only-millennials-voted#.RHfm0JUFc>

¹⁶ См.: *Cassidy J.* Did the media get the democratic debate wrong? // *The New Yorker.* 15.10.2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/did-the-media-get-the-democratic-debate-wrong>

с успокоительными обещаниями защитить простого, забытого всеми американца. Он единственный из всех кандидатов от республиканцев пообещал сохранить гражданам их пенсии, а также конкретный, хотя и радикальный, способ сохранения уровня зарплат и рабочих мест – через ужесточение миграционной политики. Несмотря на то что за его моментально обвинили в ксенофобии и расизме, Д. Трамп прекрасно осознавал, что подобная риторика сработает для его целевых групп, потому что впервые кто-то заговорил с ними на понятном им языке. Неудивительно, что, согласно опросам, в социальной общности, которая объединилась вокруг Д. Трампа, 63% хотели бы отмены права предоставления гражданства детям, рожденных нелегальными мигрантами на территории США¹⁷.

Примечательно, что большинство из наиболее антисистемно настроенных граждан проживают преимущественно в гомогенных районах Америки и крайне редко сталкиваются как с мигрантами, однако риторика Д. Трампа помогла им идентифицировать себя как проигравших борьбу за достойный уровень жизни с другими регионами, возрастными группами, мигрантами и меньшинствами. В этом смысле, кампания Д. Трампа была построена вокруг малых сообществ, которые он смог точно выхватить из общего социального ландшафта, что стало прекрасной иллюстрацией работы механизма групповой самоидентификации. Помимо этого, Д. Трамп четко проследил динамику изменений на рынке труда и выявил даже не штаты, а конкретные округа, на которые нужно делать основной упор. В итоге, из 17 штатов, в которых безработица выросла за последний год, Д. Трамп победил в 14. В штабе демократов до последних месяцев избирательной гонки не придавали серьезного значения повышенное внимание Д. Трампа к таким штатам как Пенсильвания и Мичиган, которые несколько десятилетий подряд считались исконно демократическими.

Главным политическим итогом последних десятилетий в США можно считать тот факт, что американцы стали более идеологически поляризованными, чем жители многих европейских обществ. Уже в 2012 г. исследование, проведенное группой американских ученых, показало, что уровень партийно-идеологической поляризации впервые стал выше, чем в Великобритании¹⁸. Президентские выборы в 2016 г. стали новым рубежом формирования электораль-

¹⁷ Источник данных: *Frum D. The great republican revolt // The Atlantic. 2016. Jan/Feb. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/01/the-great-republican-revolt/419118/>*

¹⁸ См.: *Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology a social identity perspective on polarization // Public Opinion Quarterly. 2012. N 76 (3).*

ных расколов. Социальные размежевания, политика идентичности, невиданная идеологизация и множественные конфликты внутри демократической и республиканской партии привели к тому, что победил кандидат, которого никто изначально не воспринимал всерьез. Однако именно Д. Трамп является наиболее яркой иллюстрацией того, что электоральные размежевания и групповая идентификация стали определяющим фактором публичной политики. В отличие от стран Европы, где групповая идентификация уходит корнями в историю, в США — это результат относительно недавних изменений, причем изначально инициированных самим партиями, сделавших идеологию новым инструментом политической борьбы, однако слабо просчитавших далеко идущие последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Andersen R., Heath A. Social identities and political cleavages: The role of political context // University of Oxford Sociology Working Papers. 2002. N 06.

Bornschier S. Cleavage politics in old and new democracies // Living Reviews in Democracy. 2009. Vol. 1.

Caramani D. The nationalization of politics. The formation of national electorates and party systems in Western Europe. Cambridge, 2004.

Cassidy J. Did the media get the democratic debate wrong? // The New Yorker. 15.10.2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/did-the-media-get-the-democratic-debate-wrong>

Davidson A. Trump and the truth: the unemployment-rate hoax // The New Yorker. 10.09.2016. URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/trump-and-the-truth-the-unemployment-rate-hoax>

Frizell S. Pollster's legs wobble after fawning Donald Trump focus group // The Time. 25.08.2015. URL: <http://time.com/4009413/donald-trump-focus-group-frank-luntz/>

Frum D. The great republican revolt // The Atlantic. 2016. Jan/Feb. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/01/the-great-republican-revolt/419118/>

Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Princeton, 1990.

Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, 1997.

Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology a social identity perspective on polarization // Public Opinion Quarterly. 2012. N 76 (3).

Katz C. Here's what the electoral college map would look like if only millennials voted // Mic. 25.10.16. URL: <https://mic.com/articles/157558/here-s-what-the-electoral-college-map-would-look-like-if-only-millennials-voted#RHfm0JUFC>

Klingemann H.-D., Volkens A., Bara J., Budge I., McDonald M.D. Mapping policy preferences II. Estimates for parties, electors and governments in Eastern Europe, European Union, and OECD in 1990–2003. Oxford, 2006.